



Скоро Академический русский театр драмы им. М. Ю. Лермонтова отметит свое 50-летие.

Полвека театра — это прежде всего его история. Это биография не одного поколения актеров, создавших десятки сценических образов, воспевших героинку трудовых, боевых будней советских людей. И, конечно, современность. Актеры наших дней с честью продолжают эстафету своих предшественников.

Сегодня гость редакции — один из ведущих актеров Театра русской драмы Юрий Капустин.

— Театру русской драмы, Юрий Николаевич, вам отдано немало лет, и тем более приятно сегодня вспомнить о том, что многие спектакли, обеспечившие когда-то стабильный репертуар, а значит, и твердую память о нем, прошли не без вашего участия. Это — «Две зимы и три лета» Абрамова (роль Егорши), «Сказки старого Арбата» Арбузова (роль Левушки), «Враги» Горького (Синцов), «Человек со стороны» Дворецкого (Николай Пухов), «Здравствуйте, я — Петров» Черных (Прокопенко); «Живи и помни» Распутина (Андрей Гуськов).

— Вы забыли, пожалуй, главный для меня в данном списке спектакль — «Двое на качелях» Уильяма Гибсона, которому 14 декабря этого года

исполняется десять лет. Десять сезонов! Это немало для нашего театра, перенесшего как раз за указанный срок неоднократную смену режиссеров. Десять лет — это десятки спектаклей, множество репетиций, неоднократные волнения по поводу того, чтобы сегодня было лучше, чем вчера. И потому мы искренне радовались, когда (уже совсем недавно) постановщик спектакля «Двое на качелях» Мар Владимирович Сулимов написал на программке: «Спасибо за то, что не растеряли найденное, за то, что сумели сохранить, приумножая и обогащая, прежнее».

— То есть, для того, чтобы продлить жизнь спектаклю, Юрий Николаевич, мало думать о

• К 50-летию Академического русского театра драмы им. М. Ю. Лермонтова

С МЫСЛЯМИ О ТЕАТРЕ

его прежней сценической структуре!

— Не мало, а невозможно держать в голове только это. Любой долго идущий спектакль задохнется уже на начальной своей стадии, если не будет постоянно пополняться изнутри свежей кислородной струей, если станет держаться на низком или даже ровном биении пульса. Уверен: терять нерв в ставшей привычной работе нельзя, как и нельзя использовать в ней ранее найденные краски, ассоциации. Ведь жизнь идет вперед, а с нею взрослеют играющие, герои пьесы, зрители, сидящие в зале. Совершенствуются, наконец, общечеловеческие нравственные ценности, что, соответственно, ведет к обновлению эстетики актерской игры. Так вот, все вышеназванное и прописывается во времени постановку, ее давно выстроенное и выстраданное, но не беспрекословное и застывшее.

«Двое на качелях» по-прежнему собирает большое количество зрителей, как и спектакли «Тифлиссские свадьбы», «Энергичные люди». Но данная ссылка совсем не предлог для разговора о том, что все спектакли или большая их часть должны так же долго держаться в репертуаре.

— Наверное, если бы социальная психология располагала опытом работы о зрителе, она бы

пренебрегла домыслами рецензентов типа «зритель пойдет», «зритель не пойдет» и дала бы ясную картину отношения людей к тому или иному сценическому явлению, исходя из обратной связи, строгого стилового, поэтического анализа спектакля.

— Да, по тому, что и как говорит театр, можно судить о его собеседнике — зрителе. Я хочу сказать, что спектакли должны иметь свой адрес, свою направленность, свое конкретное обращение — только тогда они найдут отклик в сердцах людей. Но, увы, все эти совмещенные требования учитываются редко, в том числе (до нынешнего сезона) в нашем театре. На отметках же «сделано», «не сделано» далеко не уедешь. Я имею в виду сухой подход к обязательным тематическим работам при формировании репертуара. Хотя и на них при желании можно посмотреть горячими режиссерскими, завлитовскими глазами, что совсем не исключит успех вроде бы неинтересного с первого взгляда выбора. По крайней мере уже наполовину не исключит...

— Наполовину потому, наверное, что подругой (если к общему слагаемому) вы имеете в виду актерские возможности...

— Именно так, ведь, как известно, один, пусть даже талантливый режис-

сер без актеров в театральном поле не воин. И не надо подробно подтверждать эту ставшую классической мыслью...

— О чем вы задумались!

— О нашей работе, о миссии актера, о вторичности слова и первичности мысли на сцене, о божьем, если хотите, актерском даре, мастерстве перевоплощения. Хотя для заразительного процесса работы, активного душевного взлета не менее важно и наличие первомаериала. Пьесы высокогражданственной по мысли и честной по чувствам. Жаль, но подобным материалом под авторством местных, казахстанских драматургов мы не встречали. Из немногих же талантливых литераторов этого жанра во всесоюзном масштабе (как пример особой литературной организованности) хотелось бы выделить Александра Гельмана.

Сколько общих болезненных точек соприкосновения находят с ним актеры! Острая, актуальная драматургия Гельмана подтягивает, мобилизует внутренние возможности, расширяет кругозор, оттачивает исполнительскую технику. И совсем обратное действие оказывает примитивная, схематичная пьеса, которая ничем не волнует, почти ни о чем не рассказывает и, как правило, не заставляет думать на сцене, не говоря уж о зале.

— Вы заговорили об Александре Гельмане. Остается лишь проинформировать читателей о том, что постановка спектакля «Наедине со всеми» осуществлена вами.

— Да, это первая моя серьезная режиссерская работа. До нее же были «Снега метельные», студийные постановки «Серебряного бора», «А все-таки она вертится». Но Гельман — особый для меня разговор, и я счастлив был ставить «Наедине со всеми», как и играть в нем сложную, противоречивую роль Андрея. Вот и получилось: как постановщик пытался выяснить причину потери духовности Андреем, как актер — пройти с ним всю его жизненную ситуацию и опять же достучаться до сердца своего героя с единственным вопросом: почему, отчего он стал таким? Понимаю, человека не перековать в конце жизни, но привести его к закономерному финалу — раздумью — можно.

— Слышала от актеров, вы очень требовательный человек. Не трудно, Юрий Николаевич, жить и работать в постоянном несогласии с собой!

— Отвечу вам на это диалогом Джерри и Гителль из спектакля «Двое на качелях». «Сколько вам лет?» — спрашивает Джерри Гителль. «29, а что?» — отвечает девушка. «А то, — говорит Джерри, — что не ведите себя так, будто вам 28. В 30 лет человек на самой вершине, дальше жизнь пойдет под гору. А вам особенно нечем похвастаться».

Думаю, каждому из нас надо спешить. И много-много работать. Отсюда — требовательность к себе, окружающим.

Интервью вела
В. МАРЧЕНКО.
НА СНИМКЕ: актер
Ю. Капустин.

Фото В. Ваколкина.